

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВ

“Я ГОВОРИЛ С НЕМЦАМИ ПО-РУССКИ”

Глава из книги “Как русские научились воевать”

18 сентября 1942 года группа разведчиков, выполнявшая задание на мысе Могильный, оказалась в безвыходной ситуации. Командиры и комиссары бежали, у оставшегося лейтенанта перебиты пулемётной очередью обе ноги. Разведчики окружены двойным кольцом горных егерей. Осталось всего несколько патронов и гранат. Немцы буквально не дают поднять головы пулемётным и миномётным огнём... Командование берёт на себя старшина 2-й статьи (по-армейски – сержант) Виктор Леонов. И он эту, казалось, невыполнимую задачу решил! Именно начиная с этого боя немцы заговорили о “чёрных дьяволах”, возникающих и бесследно исчезающих в ночи. Хотя обычно разведчики облачались в белое. Гранаты – в белых сумках, автоматы обмотаны марлей.

За голову названного немцами “Полярным лисом” командира 181-го особого разведывательного отряда разведотдела штаба Северного флота они предлагали сто тысяч марок.

Леонов совершил около 50 походов в тыл к немцам, в боях с элитными горными егерями был несколько раз ранен, но, начав войну в её первые дни, командовал отрядом вплоть до Победы, которую встретил капитан-лейтенантом. А затем прославился и на Дальнем Востоке в противостоянии с японскими самураями, заслужив здесь вторую Звезду Героя Советского Союза. После войны популярность командира разведчиков стала всенародной, мальчишки бредили его походами...

Всё это я узнал, побывав осенью 1994 года в Российской государственной библиотеке, где заказал книги самого Леонова и написанное о нём. Журнал “Слово”, в котором я работал, готовился к 50-летию Великой Победы, которую тогда как только ни пытались принизить и оболгать. Хотелось начать 1995 год ударной публикацией о войне. И тут мой друг – поэт и журналист Андрей Устименко возьми, да и скажи мне: “Напиши про Леонова! Это личность легендарная”. Андрей в подростковые годы читал книги писателя-североморца Николая Панова “Боцман с “Тумана” и “В океане” – о подвигах “орлов капитана Людова”, прообразом которого и был Леонов. Изучив в РГБ литературу о нём, я ахнул – вот это фигура!

Как сказал мне один художник, посмотрев на фотографию Леонова 1945 года: “Сила так и прёт!” Непокорная буйная шевелюра, пронзительный, прямо-таки огненный взгляд, железная воля и мощный темперамент в очертаниях подбородка и большого чувственного рта. На лбу к тридцати годам уже прорезались морщины...

Не выдерживали его взгляда и боевого напора ни немецкие егеря, ни японские самураи. Леонов, несомненно, входит в самый первый ряд героев Великой Отечественной, рядом с лётчиком Александром Покрышкиным и разведчиком Николаем Кузнецовым...

В 1994-м я был поражён тогда своим невежеством, ведь знал о многих героях, прежде всего, лётчиках. Впрочем, о Леонове давно уже не появлялось никаких сообщений. На телевидение таких, как он, в ту пору не приглашали, вообще держали в глухой тени. Книги его изданы в основном в семидесятые годы, последнее издание – 1985 года.

Узнав номер телефона Леонова, позвонил ему и услышал в трубке глуховатый голос: “Приезжайте”. Так я оказался в скромной двухкомнатной квартире ветерана на улице Докукина у ВДНХ. Принял журналиста Леонов доброжелательно, но сдержанно, видимо, присматриваясь к незнакомому человеку. Сидели мы в тот день, 18 ноября 1994-го, за беседой около четырёх часов. Виктор Николаевич, покуривая, охотно отвечал на вопросы. Из-под рубашки виднелась тельняшка, на ногах – валенки (мучили боли в простреленной ступне и жестокий артроз).

В 77-летнем больном старике виделся отблеск былой неимоверной мощи, отваги и бесстрашия.

Публикацию “Батя Виктор Николаевич” в журнале “Слово” Леонов одобрил. Ему, кстати говоря, понравилось, что на обложке номера был портрет Бунина, творчество которого он ценил.

С тех пор ещё несколько раз я побывал у Виктора Николаевича: разные издания просили сделать о нём материал, я приезжал, записывал новые детали его биографии. Эти статьи и беседы появлялись в журналах “Воин”, “Русский дом”, газете “Красная звезда”, в день 80-летнего юбилея Виктора Николаевича центральное издание Минобороны дало материал на половину первой полосы под редакционным заголовком “На таких и держится Россия”. Отрывки из тех бесед и сегодня вижу в интернете, как правило, без ссылки на первоисточник.

Хотя надо сказать и то, что особо никто к Леонову не рвался, не были такие герои популярны в прессе “лихих девяностых”. Это уже при Путине начали всё громче отмечать День Победы, зашагал “Бессмертный полк”. А в 1997-м, помню, привёл я к Леонову тележурналиста из популярной передачи, отсняли около часа уникальной встречи, а в эфир пошло всего лишь несколько минут...

Зато приезжал к нему не раз с расспросами некий “тихий американец”, майор армии США, издавший затем на английском языке книгу воспоминаний Леонова под названием “Кровь на берегах” (“Blood on the Shores”) с подзаголовком “Советские морские командос во Второй мировой войне”. Приезжали норвежцы, которые чтут одного из своих освободителей от немецкой оккупации.

Лишь в 2005 году наконец-то нашёлся издатель, выпустивший после 20-летнего перерыва книгу Леонова “Лицом к лицу” (М.: Центриздат). В предисловии, кстати говоря, было отмечено: “В Заполярье отряд Леонова обеспечивал защиту главной артерии всей мировой войны... Участие отряда в обеспечении доставки в наши порты северных морских конвоев по ленд-лизу можно уверенно назвать выдающимся... Просто удивляет, насколько высок в системе западных представлений об элитном спецназе, о суперменах так называемый рейтинг легендарного разведчика. В иноязычной части Всемирной паутины имя Леонова встречается гораздо чаще, чем в русской. Там он назван корифеем советских морских командос и сравнивается только с диверсантом номер один Третьего рейха Отто Скорцени”.

А в 2010 году из телепередачи “Виктор Леонов – советский Джеймс Бонд” я узнал, что портреты нашего героя как пример для подражания размещены на базе американских “морских котиков” (спецназ ВМФ США). Леонова сравнивали и раньше с персонажами западных кинобоевиков. Он в одной из наших бесед усмехнулся: “Почему меня с ними сравнивают, а не наоборот? Я-то воевал гораздо раньше, чем эти фильмы появились”.

Вспомним же сейчас, в дни празднования 75-летия Победы главные из заповедей и уроков Виктора Николаевича, которые всегда останутся на вооружении русского бойца.

Итак, на северо-западе советско-германского фронта, в Заполярье, немцам не удалось продвинуться вперёд, линия фронта практически не изменилась

до нашего наступления. В мемуарах командующего Северным флотом в годы войны Арсения Григорьевича Головки, казака из станицы Прохладной, читаем, что в ответ на вопрос о том, трудно ли на Севере, многие отвечали: “Все тяжёлое: климат, море, материальные условия, но хорош дух на флоте...”

“Нет уз святее товарищества”

В книге “Уроки мужества” Леонов писал: “Для старых, повоевавших на своём веку солдат войсковое товарищество — понятие святое и нерушимое. И вдохновенную, как песня, гоголевскую строку “нет уз святее товарищества” многие могли бы поставить эпиграфом к своим боевым биографиям”.

И на один из моих вопросов Виктор Николаевич ответил:

“Что значит, вы спрашиваете, особая сплочённость отряда? По существу, наш отряд был как одна семья. Вот с Могильного осенью 1942-го мы лейтенанта Фёдора Шелавина выносили... Мы из-за него и не смогли сразу вырваться из немецкого кольца. Лейтенант был тяжело ранен. Он хотел застрелиться, чтобы развязать нам руки. Но я знал: если оставим Шелавина, в следующем походе кто-то будет думать: офицера бросили, а уж если я буду ранен, тем более оставят. Если такая мысль хоть чуть-чуть запала в голову человеку, то он уже не воин настоящий, не боец. Эта мысль будет давить, преследовать тебя, хочешь ты того или нет.

— Как у Суворова: сам погибай, а товарища выручай.

— Да. Вот, к примеру, когда нас высаживали торпедные катера, очень важно было — кто высаживает. Если мой довоенный друг Саша Шабалин (родом он был с Русского Севера, с Беломорья), ставший в 1944 году дважды Героем, то ребята идут спокойно. Если же кто-то другой, в голове остаётся маленькая мысль: а вдруг удерёт?... А с Шабалиным мы были спокойны, знали, что он не оставит, пока катера его живы.

— Виктор Николаевич, если не секрет, как называли вас бойцы отряда между собой? Об этом в книгах не пишется...

— Называли батей. В любых условиях. Мне и сейчас один мой боец пишет на открытках: “Здравствуй, батя Виктор Николаевич...” А как у нас было с дисциплиной? Вот провинился кто-то в увольнении. Я, допустим, об этом знаю и буду с ним разбираться. Но прежде всего с ним будут говорить сами ребята. Иван Лысенко, он пожертвовал собой в бою на Крестовом, о нём я ещё скажу, был у нас судья. Провинившийся докладывает. Иван решает: пять горячих на воздухах. Кто-то подставляет спину, тот своей спиной ложится на него, живот оголяют. Бьет Семён Агафонов, мастер этого дела. Рукой по оттянутой коже, живот становится синим.

Я знаю, что произошло, но ещё подожду с вызовом. Потом вызываю. “Батя, виноват, так и так, случилось...” Сам я почти никого не наказывал. Зачем мне это нужно? Получил он от ребят? Получил. Я только показываю ему, что мне всё известно и что я его прощаю. Порядок у нас был твёрдый.

Были в отряде бойцы и постарше меня, мне в 1941 году исполнилось 25 лет. Но в начале войны — никого старше 30. Хотя совсем молодых мы тоже не брали. До 20 лет жидковаты ещё ребята... Видел я, как они воюют в морской пехоте. Жалко. Что он знает? Что понимает? А ему: “Вперёд! Ура! За Родину! За Сталина!...” Он и бежит вперёд, а что делать, он ещё не подумал... У нас в отряде, если разведчик идёт вперёд, то всегда знает, что делать. А необученный и сам погибнет, и для других действия его опасны.

Я брал сначала новичков в походы не очень опасные и тяжёлые, чтобы они учились. Разборы ошибок обязательно делались командирами групп. Довольно часто собирались и все вместе. Комсомольские и партийные собрания у нас тоже в основном посвящались работе. У нас вообще не было ни одного не комсомольца. Вот приходит такой, мы говорим — надо вступать. Подаёт заявление. Если его вдруг потом собрание не принимает, из отряда он должен уйти. Доверие товарищей, как я уже говорил, самое важное. Необходимо уверенность, что с тобой в поход идут товарищи, которые тебя не оставят в любых условиях”.

Первую Золотую Звезду Героя Леонов получил за самую крупную операцию отряда в ноябре 1944 года. Перед началом общего наступления на Севере отряд получил приказ разгромить стратегически важный мощный опорный пункт

немцев на мысе Крестовый. Система дотов, две четырёхорудийные батареи (88-мм – зенитная и противокатерная, 155-мм – тяжёлая), находившиеся там, перекрывали дорогу десантным катерам наступающего Северного флота.

Две недели отряд тренировался, штурмывая сопку, похожую на ту, где находился немецкий гарнизон. Операция готовилась в режиме повышенной секретности. Задача трудновыполнимая. Проводить отряд на причал пришёл член Военного совета Северного флота вице-адмирал А. А. Николаев.

Из воспоминаний Героя Советского Союза Макара Андреевича Бабикова, в октябре 1944-го – командира отделения отряда:

“Идём Варангер-фьордом. Стараемся проскочить к чужому берегу незамеченными. Моторы переключены на подводный выхлоп, сигнальные огни погашены, радиопереговоров никаких. Погода с нами заодно: метёт пурга, снежные заряды укрывают катера от чужого глаза.

До рассвета прошли километров десять – это хорошо, в кромешной тьме, по такой дороге. Как рассвело – залегли, затаились в камнях. При свете идти опасно, можно запросто напороться на вражеских егерей.

Груз на плечах как будто все прибавлялся и прибавлялся. Пятисуточный паёк, полные диски с патронами, по десятку гранат, пачки патронов в рюкзаках, автоматы и пулемёты – всё это навьючено на плечи, давит на спину, на поясницу. И тащить этот “сидор” шаг за шагом, переход за переходом. Тридцать километров, что прочерчены на карте по прямой, уже на исходе. Цель где-то близко. Но тут снова занимается день, и мы снова ждём, лёжа без движения на мокрых и холодных камнях...

Наступила третья ночь. Отряд вплотную подошёл к вражеским батареям на мысе Крестовом.

В кромешной темноте мы спустились с обрывистых утёсов. В некоторых самых крутых местах ползли вниз по канату. Миновали лощину между сопками. Взобрались ещё на один крутой, почти отвесный утёс – его одолевали живой лестницей: один взбирался другому на плечи, цеплялся за какой-нибудь уступ, подтягивался, а потом, ухватившись за руку или за верёвку, помогал подняться товарищу.

Наконец последний спуск. Одолевать его оказалось всего труднее. Канатов для всех не хватало. Один десантник, уцепившись руками за гранитный карниз, повисал над обрывом. Другой по его спине сползал вниз и, нащупав ногами опору, принимал товарища на руки.

До сих пор не понимаю, как ни один из нас не упал, не грохнул оружием о камни... Случись такое здесь, под самым носом у врага, – всем нам бы ла бы крышка”.

“И всё-таки нам не удалось застать противника врасплох, – рассказывает Леонов. – В последний момент была задета сигнализация, немцы обнаружили нас и открыли сильный огонь из орудий и пулемётов. Всё освещено, перед нами – мощное проволочное ограждение... Резать его времени уже не было. Я отдал приказ: действовать кто как может, сообразуясь с обстановкой, по группам, но через минуту всем быть на батарее!”

От тяжёлых потерь нас спас Иван Лысенко, сибиряк, чемпион по борьбе, самый сильный физически в отряде, всеми любимый за доброту и справедливость. Он вырвал из земли рельсовую крестовину, весом она было килограммов сто, на которой крепились мотки колючей проволоки, и взвалил себе на плечи. Сказал только: “Пролазьте, пока стою!” После войны, в 1968 году один художник с наших слов написал картину “Подвиг старшины Лысенко”, но зрители часто не верили, что это было в реальной жизни... В образовавшийся проход мы и пошли. Когда Лысенко уже не мог стоять (огонь шквальный, в Ивана попало больше двадцати пуль), ему помог наш врач Алексей Луппов. Оба они погибли... Но мы ворвались на прикрывающую батарею и, захватив орудия, открыли из них огонь, благо трофейное оружие знали неплохо.

Лысенко ещё жил, когда я к нему подошёл после боя. Он только спросил меня:

- Как, много погибло наших?
- Нет, Иван, немного, – ответил ему.
- Значит, я правильно поступил... – были его последние слова.

Когда мимо пленных проносили тела погибших разведчиков, я приказал поставить немцев в шеренгу на колени”.

Из интервью сайту “Я помню” бойца-разведчика (после войны – полковника) Павла Гордеевича Колосова (1922–2015), участника операции на Крестовом, кавалера двух орденов Красного Знамени:

“Есть книжка Маклина “Пушки острова Навароне”. У него 12 человек чуть ли не целый остров Крит захватили. В первом издании было признание, что написать эту книгу автора подвигла статья, которую он, будучи в городе Мурманске, куда пришёл с союзным конвоем, прочитал в газете “Североморец”. Статья о том, как наши разведчики в глубоком тылу захватили укрепленный, состоящий из двух батарей – тяжёлой артиллерийской и зенитной. И продержались двое суток до подхода главных сил...

Когда я был на Севере, меня ребята спрашивали:

– Что-то о вас мало пишут...

Я отвечал: был бы у нас Маклин, он бы знает, как расписал.

...Наша авиация – “Илы” – на Крестовом нам помогла. Это просто спасение было. Мы смогли подняться на сопку... Мне тогда по ногам попало, а до этого ещё был ранен осколками гранаты в голову. Я потом оклемаюсь, а Рябчинский погиб. Лежим с ранеными на сопке. Немцы собрались нас добивать. И в это время вызвали “Илы”. Они нас окружили, одни уходят, другие приходят с реактивными снарядами... Вот это была организация – научились воевать. Палёным мясом запахло – это немецкая пехота, которая обложила нас, горела.

Операция на Крестовом – это действительно венец всех операций флота на Севере. Эту операцию потом изучали в Генеральном штабе”.

Психологический закон таков: в схватке двух противников один обязательно сдастся. В ближнем бою следует, прежде всего, приковать его взгляд к своему – твёрдому и властному.

В одной из своих книг Леонов писал: “Наш отряд, действуя в тылу врага, всегда уступал ему в численности, в техническом оснащении и в огневой мощи, но мы всегда побеждали в рукопашном бою. Ни немцы, ни японцы в подобных ситуациях никогда не действовали так решительно, как мы. Те, кто соприкасался с нами вплотную, только защищались, в глазах у них был страх...”

“Не бывает рукопашных боев, – говорил Виктор Николаевич, – когда двое людей, две группы дерутся с одинаковой энергией. Кто-то обязательно дрогнет, будет только защищаться, а кто-то выполнит задание, которое перед ним стоит. У меня в своё время был спор с маршалом Ерёменко. Мы выступали перед молодыми офицерами, и Ерёменко рассказывал, как они в гражданскую дрались в окружении. Я говорю: вы защищались, а они хотели вас уничтожить. Слабость их, что они не сумели этого сделать, и вам, хотя и не всем, однако удалось вырваться... Но с маршалом разве можно спорить? А офицеры поняли эту мысль, после выступления подходили позвать мне руку.

Очень важный момент – нужно стараться увидеть глаза противника. Он должен сразу испугаться. При внезапном столкновении необходимо знать и некоторые особые приёмы. Нельзя в этом случае хвататься за кобуру, уже поздно, враг выстрелит раньше. После войны, в 1949 году так погиб один наш разведчик Владимир Ляндэ. Он вернулся в родной город Ростов-на-Дону, пошёл работать в отдел по борьбе с бандитизмом. Ловили главаря банды. Ляндэ открыл калитку, а тот стоит напротив и уже пистолет у него в руках. И тут Володя допустил ошибку, начал доставать своё оружие. Но было уже поздно... Если я встретался один на один, то сразу бросал свой маузер, который, однако, не падал на землю, а на пружинке болтался у самых ног. Мне показывают – выше руки поднимай, и тут я делаю обманное движение, после которого немец если и выстрелит, то уже промахнётся. А мне этих двух-трёх секунд достаточно, чтобы он упал.

Когда на Крестовом немцы бросились прорываться, а их оказалось больше, чем предполагалось, мы лежали цепью. Нас было человек 80, а их – масса, только в плен попало в этом бою 127 солдат и офицеров. Боеприпасов в тот момент у нас не осталось. Здесь мне пришлось идти на большой риск. Ничего говорить я уже не имел возможности, я просто встал, бросил оружие и стал поднимать руки. Я знал, что то же самое сделают все до единого из тех, кто со мной. Какое у противника создалось впечатление? Что мы сдаёмся, стрелять не надо, путь свободен. И вдруг – один из них падает, второй. А у нас уже оружие появляется в руках. Конечно, у немцев паника, таких вещей они не выдерживали...

— На Крестовом ваши разведчики, когда кончились патроны, поднимались навстречу атакующим, когда те подходили вплотную, при этом распахнув ворот, чтобы показать тельняшку, и улыбаясь. Немцы, не вступая в рукопашную схватку, отбегали назад, чтобы открыть автоматный огонь.

— Да, приходилось действовать и так. Боезапаса нередко не хватало, хотя каждый нёс в походе на плечах до 40 килограммов груза. А на Крестовом нам уже во время боя сбрасывали с самолётов и боеприпасы, и продукты.

...Среди германских горных егерей было много спортсменов, австрийцев с горнолыжной подготовкой, но они, повторю, не выдерживали рукопашного боя. И о нашем отряде они знали. В части “Эдельвейс” не брали солдат ростом ниже 176 сантиметров, у нас же в основном были ребята пониже, но психологически они подавляли врага. Как-то я даже ругал нашего бойца Алексея Каштанова, ростом всего 160 см: он взял в плен двух егерей, на лодке отплыл с ними от берега и даже сам сел за весла. А те были так деморализованы, что уже ничего не могли предпринять. Хотя потом оказалось, что у одного был даже пистолет “вальтер” в кармане...

Хотя и немцы были не робкого десятка. Воевали они расчётливо и умело. Но, конечно, больше опирались на своё техническое превосходство. Немцы впереди обязательно танк поставь.

У меня была беседа с одним немцем во время съёмок фильма, который должен был выйти к 300-летию Российского флота. Снимали у нас, но режиссёр — немецкий адмирал, он был министром в ГДР, а после объединения Германии занялся кинематографом. Он у меня всё допытывался — что, как? Я отвечаю: почему я добивался успеха? У вас, немцев, всё было слишком чётко, расписаны все уставы, все пункты. Я их отлично знал, и если мне нужно было какой-то штаб разгромить, я делал ложный удар и знал, какой план обороны вы будете выполнять. Сам же действовал другими группами, которым вы сами открывали путь. Немец говорит: ну, теперь всё по-другому. Я в ответ: но ведь я-то тогда воевал...

Пленные вели себя по-разному. Помню, привели ещё в самом начале войны пленного офицера. Я уже переоделся. Тут из комнаты, где допрашивали, выскочил наш начальник отдела информации и говорит: “Ой, сволочь, ничего не говорит! Смеётся только...”. Я ему: “Сейчас заговорит”. Пошёл, скинул китель, оделся в то, в чём офицер тот в руки ко мне попался. Вошёл в ту комнату, он сидит нога на ногу и курит сигарету. Увидел меня, встал. Я говорю переводчику: “Передайте этому прохвосту, что вот эти адмиралы (показываю на штабистов, а там был и один адмирал) уйдут скоро, пусть они ничего не узнают, но он останется со мной...” Повернулся и вышел. Немец заговорил.

Ко мне командование прикрепило одно время двух переводчиков из штаба — учить меня немецкому языку. Они приходят, я им даю по плитке шоколада и отправляю обратно. Дошло это до члена Военного совета флота. Он и говорит: “Что ты делаешь? Ты немецкий должен знать на отлично!” — “Я, — отвечаю, — с немцами по-русски говорю. И они меня по-русски понимают лучше, чем вас по-немецки”.

Сначала немцы были самоуверенны и заявляли: всё равно вас уничтожим, пусть даже меня вы расстреляете. А в 1944 году, например, я привёл двух немцев, и член Военного совета Николаев прибыл на Рыбачий, сам захотел видеть пленных. Наши войска тогда только перешли границу, он спрашивает у них: ну, знаете, где сейчас линия фронта проходит? А они показывают на карту уже где-то под Берлином...

Одно из самых громких дел леоновского отряда — пленение в корейском порту Вонсан трёх с половиной тысяч японских солдат и офицеров. Как вспоминал один из участников этой операции, замполит отряда Иван Гузненков, большего страха и напряжения он не испытывал за всю войну.

“Нас было сто сорок бойцов, — рассказывал Леонов. — Мы внезапно для противника высадились на японском аэродроме и вступили в переговоры. После этого нас, десять представителей, пригласили в штаб к полковнику, командиру авиационной части, который хотел сделать из нас заложников.

Капитуляция была уже объявлена, но сдаваться нам японцы не желали. Они хотели уйти в американскую зону и там сдаться в плен. Но у нас не было случая, чтобы мы не выполнили задания, которое нам давали, каким бы оно ни было. Мы умели в любых условиях бороться до последнего.

Я подключился к разговору тогда, когда почувствовал, что находившегося вместе с нами представителя командования капитана третьего ранга Колюбакина, что называется, припёрли к стенке. Глядя в глаза японцу, я сказал, что мы провоевали всю войну на западе и имеем достаточно опыта, чтобы оценить обстановку. Что заложниками мы не будем, а лучше умрём, но умрём вместе со всеми, кто находится в штабе. Разница в том, добавил я, что вы умрёте, как крысы, а мы постараемся вырваться отсюда... Герой Советского Союза Митя Соколов сразу встал за спиной полковника, остальные также знали свое дело. Герой Советского Союза Андрей Пшеничных запер дверь, положил ключ в карман и сел на стул, а богатырь Володя Оляшев (после войны – заслуженный мастер спорта, неоднократный чемпион страны по лыжным гонкам) поднял Андрея вместе со стулом и поставил прямо перед японским командиром. Иван Гузненков подошёл к окну и доложил, что находимся мы невысоко, а Герой Советского Союза Семён Агафонов, стоя у двери, начал подбрасывать в руке противотанковую гранату. Японцы, правда, не знали, что запала в ней нет. Полковник, забыв о платке, стал вытирать пот со лба рукой и спустя некоторое время подписал акт о капитуляции всего гарнизона.

Построили три с половиной тысячи пленных в колонну по восемь человек. Все мои команды они исполняли уже бегом. Конвоировать такую колонну у нас было некому, тогда командира и начштаба японцев я посадил с собой в машину. Если хоть один, говорю, пленный убежит – пеняйте на себя. Пока вели колонну, в ней стало уже до пяти тысяч японцев.

После Крестового отряд представили к ордену Красного Знамени, но это не было утверждено. Кто-то считал, что мы – временная часть, которая после войны не будет нужна. На Дальнем Востоке я прямо спросил у наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова:

– Почему вы считаете нас временной частью?

– Так не я один считаю. – А потом всё же сказал: – Гвардейское звание получите.

И обещание выполнил”.

Прав был Суворов: “Удивил – победил”

“Нужно ошеломить врага, сделать что-то эффектное даже, чтобы они не сразу догадались, что перед ними, в сущности, горстка людей, не успели подтянуть подкрепление, – говорил Виктор Николаевич. – Например? Входим в штабную землянку. Громко приказываю: “Ну-ка, ты, иди сюда!” Потом удар, тот летит и уже не встаёт. Мы выходим спокойно и идём как на параде”.

А теперь – рассказ об операции на мысе Могильном, с которой начинается этот очерк. Поход на Могильный, откуда немецкий гарнизон засекал наши корабли и самолёты, складывался крайне неудачно. Командир батальона морской пехоты, сопровождавшего отряд, был потом отдан под суд военного трибунала. Его батальон под огнём немцев поспешно отступил. Командир разведотряда и комиссар также бежали... Небольшую группу разведчиков на Могильный повёл Леонов.

Атака была успешной, опорный пункт разгромлен, но на небольшом пятачке (самая широкая часть мыса не превышала ста метров) оказались лишь пятнадцать моряков. Немецкие егеря окружили их двойным кольцом, перекрыли путь отхода двумя пулемётами, подвергли интенсивному миномётному обстрелу, от которого лопались и рассыпались каменные валуны. Немцы торопились, как понял слышавший их команды матрос, знавший немецкий язык, закончить дело до наступления темноты. Боеприпасов у разведчиков почти не осталось. Один из них, крикнув в отчаянье: “Всё, песенка спета... Нам отсюда не выбраться!” – подорвал себя гранатой. Ещё один хотел сделать то же. “Трус! Застрелю!” – остановил его Леонов.

“Мы были прижаты к земле теми двумя пулемётами, стрелявшими непрерывно. Надо было что-то решать. Я вскочил на ноги и последними патронами ударил по камню, за которым лежали пулемётчики. Мне важно было, чтобы они спрятались, перестали вести огонь. А один из лучших наших бойцов Семён Агафонов по моему приказу бросился к этому камню метрах в двадцати от нас... Он успел прыгнуть на камень и оттуда – вниз на немцев. Когда я, раненный в ногу, доковылял туда, один пулемётчик уже был мёртв, с двумя другими Семён, схватившись, катался по земле. Я ударил одного, потом другого

по голове прикладом, мы захватили эти пулемёты и вырвались из первого кольца окружения.

Агафонов считался бесстрашным. Когда его спрашивали об этом случае, он со смехом говорил, что, когда увидел с камня, как у немцев руки дрожат, понял, что с такими руками они в него не попадут. Но друзьям признавался, что в момент после приказа подумал: ну вот, Семён, на этом твоя боевая карьера и закончилась... Страх испытывал каждый, но нужно было действовать, как положено.

Агафонов, кстати, отлично стрелял, метал ножи. Однажды спас мне жизнь. Мы вошли в немецкий блиндаж. Один из немцев, я его не видел, достал пистолет. Но Агафонов молниеносно поразил его точным броском ножа с нескольких метров.

Потом Юрий Михеев последней связкой гранат удивительно точным дальним, на двадцать метров, броском подорвал немецкий блиндаж. Гранаты ещё летели в воздухе, а он уже погиб, сражённый очередью. Но мы прорвали второе кольцо и пошли по протоптанной немцами тропинке к берегу. Поваливший снег скрывал наши следы. Последним шёл Агафонов. Забрались в прибрежный кустарник, несколько раз цепочка егерей проходила вблизи от нас, а мы сидели затаившись, сжимая рукоятки ножей. Долго ждали своих. Ведь батальон не только отступил, они ещё доложили, что из нас, разведчиков, никого в живых не осталось! Наконец пришли два «морских охотника», увидели со второго раза наши сигналы и забрали нас с Могильного. Остались в живых одиннадцать человек, и почти все были ранены...»

Тогда и пошла по Заполярью слава о Леонове. Позже, во время советского наступления в Норвегии, немецкое командование предлагало за голову уже хорошо известного им разведчика значительное вознаграждение. Леонов рассказывал, что в 1944-м в него стрелял неизвестный в матросской форме, который был убит ответным выстрелом. В кармане матроса нашли немецкую листовку с обещанием вознаграждения за голову командира отряда.

— Виктор Николаевич, — спросил я у Леонова, — вы были несколько раз ранены — пулями, осколками...

— Почему-то ранения я получал по праздникам, то на Первое мая зацепит, то под Новый год... Но, по существу, все ранения — это результат ошибок. Немцы тоже ведь были опытные солдаты. А если не ошибаться, в идеале, то и ранен не будешь. Попадало мне в основном в первый год войны, когда опыта ещё не хватало.

Первого мая 1942 года нас окружили на сопке. Во время снежного заряда немцы залезали на сопку, маскировали пулемёты. Где они? Я тоже во время заряда выбрался вперёд камня, за которым скрывался. На мне всё серое, и камень серый, думаю — не увидят, хоть и сижу прямо перед ними (остаётся только удивляться точности расчёта, выдержке и дерзости Леонова. Ясно, на чём был основан его авторитет в отряде. — А. Т.). Всё тихо. И вдруг один разведчик подбегает ко мне: «Закурить нет? — Не курю я, — говорю ему. — Беги отсюда». Он нашёл табак чуть дальше и побежал по снежной полосе, тут в него ударил один пулемёт, который я засёк. У меня нервы не выдержали, инстинктивно вскочил, и моя голова оказалась выше камня. Немцы решили, что я нахожусь за ним и ударили. Я был ранен рикошетом пулей в лицо, а если бы они догадались, что я перед ними, то, конечно, был бы убит. Но оба пулемёта я засёк, заполз за камень и показал ребятам, где они. Пуля торчала из щеки, зубы раздроблены. В тот день я и закурил...

После первого ранения, когда была у меня прострелена ступня, в госпитале в Архангельске меня списали было в нестроевые. Мы с одним лётчиком сбежали оттуда. Я уже был объявлен дезертиром, когда явился в отряд, а потом к члену Военного совета. Тот сказал: будем считать, что дезертирства не было».

“Право подбора разведчиков возлагается на командира отряда”

“Как я попал в отряд? Очень сильный я был человек. Со мной бороться никто почти не брался. Хотелось мне посмотреть — что это за егеря такие? Был уверен, что один на один уложу кого угодно.

Перед самым началом войны я заболел, положили в госпиталь с аппендицитом. Моя подводная лодка ушла в плавание. Операции мне так и не

сделали, но остался я на берегу, работал в мастерских, так как имел хорошую квалификацию слесаря-лекальщика и моториста. Немцы уже подошли. Что же мне, сидеть в мастерской?! С кораблей набирали в отряд. Меня не отпускали из мастерских, но я прорвался к члену Военного совета флота. И меня взяли.

А на второй день группа, человек двадцать, уходила в тыл к немцам. Один заболел. Мне предложили пойти... Заменял морскую форму на какую-то рваную армейскую и пошёл. Атаковали немецкий опорный пункт, во время боя я попал в тяжёлое положение. Винтовку СВТ я ещё не знал. Немцы бегут на меня, я выстрелил, убил офицера. Они остановились. Потом заметили меня, начали палить. А винтовка не стреляет, что-то заело. Я вскочил и бросился бежать к другому офицеру, думаю, добегу до тебя, сволочь, и тобой прикроюсь. Он вдруг бросился от меня бежать, солдаты за ним. Я загнал их в укрытие, хочу бросить туда гранату, а запал вставить не могу (устройства толком ещё не знал). Тут ещё один наш подбежал, лёжа мне кричит, как делать. Бросаю гранату, она обратно вылетает. Наш боец кричит: “Встряхнуть надо, чтобы зашипела!” Встряхнул, подтянулся на бетонной стене, бросил. Там взрыв, стоны. Бросил ещё одну. За этот бой получил медаль “За отвагу”. Начал думать, как надо воевать...

В том первом бою страха не испытывал. Но когда, выполнив задачу, стали отходить, когда увидел наших ребят убитых, вот тогда стало страшно. Сидели на берегу, ждали катер, который нас должен был забрать, и я спросил командира: “Товарищ старший лейтенант, а чего они побежали от меня? Я один был, а их – больше десятка”. Он мне и отвечает: “А ты на себя в зеркало посмотри!” Весь я был измазан, волосы всклокочены.

Наш отряд выполнял задания штаба Северного флота. Был ещё и отряд Северного оборонительного района – морская пехота. У них меньше опыта, выучка не та. Как-то командующий вызывает меня. Три раза ходили морские пехотинцы к немцам. Нужен пленный, а взять не могут, уже несколько человек потеряли. Я послал туда своих молодых ребят с опытным Никандровым. Пошли и взяли “языка” без потерь.

Читал я про такой же отряд Балтийского флота, хорошо знал командира отряда Черноморского флота. Всё у них было как-то не так... В первую очередь, думаю, сказывалось здесь то, что умное у нас командование. Командующий флотом Арсений Григорьевич Головкин, начальник разведки Леонид Константинович Бекренёв – очень грамотный в своём деле, замечательный, интересный человек, он готовил Зорге, Абея. Об этих людях ещё будут писать...

Прихожу, бывало, из похода, Бекренёв звонит: “Ну как, сегодня вечером приходишь? В преферанс сыграем?” – “Давайте”, – говорю. Жена у меня была гостеприимная, кулинар хороший. Посидим. Он анекдоты расскажет, а карточные фокусы такие показывал, что в цирке можно выступать. Очень хорошие у нас были отношения. И работе это, безусловно, способствовало. Был я на последнем 90-летнем юбилее Леонида Константиновича. Когда уходил, он зовёт: “Леонов, подойди сюда”. Обнял и поцеловал. “Что такое?” – спрашиваю. “Так, не знаю, на всякий случай...” И вскоре умер”.

За прошедшие после этого разговора годы о Бекренёве почти ничего не написано. Видно, сроки ещё не подошли. Слишком секретная у него была работа. Тогда, в 1994-м, Виктор Николаевич дал мне его телефон, я звонил, но мне сказали, что Леонид Константинович плохо себя чувствует. Встреча не состоялась, а жаль. Сегодня в Википедии можно найти только информацию из послужного списка. Л. К. Бекренёв (1907–1997) – выходец из рабочей семьи, родом из Ярославля. С 1932 года служил в Разведупре Красной армии, в 1937–1938 годах, как и Головкин, участвовал в гражданской войне в Испании, там они, вероятно, и сработались. В апреле 1941–сентябре 1942-го и с августа 1944-го по ноябрь 1945 года – на Северном флоте, начальник отдела боевой подготовки штаба СФ, начальник разведотдела. Инициатор создания отряда, которым и командовал потом Леонов. После войны Бекренёв поднимается в звании до адмирала с тремя большими звёздами на погонах, с 1955 года – начальник стратегической разведки ГРУ, в октябре 1962-го, на пике Карибского кризиса, направлен военно-морским атташе в США, в 1963–1967 годах – замначальника ГРУ, в 1967–1973 годах – начальник Военно-дипломатической академии. В отставке многие годы возглавлял комитет ветеранов ГРУ.

“У меня был свободный доступ в штаб флота, – рассказывал Виктор Николаевич, – хорошие личные отношения с начальством. Хотя член Военного совета заставил меня два года ходить в младших лейтенантах за Агафонова. Тот был осуждён за дезертирство – сразу после появления соответствующего указа не успел вернуться вовремя на свою подводную лодку. Мы с флагманским физруком ходили умолять, чтобы Семёна отдали нам в отряд, мы-то знали, что он за человек. А после Могильного я представил его к ордену Красного Знамени, и ему вручили награду. Тут член Военного совета вскипел, ему на ухо шепнули, мол, осуждённый, дезертир, а ему вместо справки об освобождении – орден... И мне сказали: будешь два года ходить в младших лейтенантах. И я ходил. Замполит мой – старший лейтенант, начальник штаба – капитан-лейтенант. Впрочем, на дело это не влияло...

Адмирал Головкин отдал приказ – право подбора разведчиков возлагается на командира отряда. Назначить к нам никого не могли. У меня была связь с управлением кадров, они присылали ко мне тех, кто вроде бы подходил. Я беседовал с человеком и смотрел, как он реагирует на мои вопросы. Самое важное для меня при этом – его глаза и руки. Приходит ко мне как-то кандидат на должность помощника по тылу, говорит, что у него связи, что всё у меня будет... А я ему говорю: а вот если тебе на плечи положить килограммов сорок груза, на лыжах двадцать километров пробежишь? Он: мне это необязательно, я буду кормить людей. Я говорю: а мне обязательно, чтобы ты это мог делать тоже, потому что кормить надо не только здесь, за столом. В общем, не сговорились. Смотрю на него: глаза бегают, руки трёт... В “Красной звезде” была однажды статья, где показывалось, как по положению рук можно определить психологическое состояние человека, его характер. Мне нужно было, чтобы руки не хватались ни за что, чтобы они были готовы к действию, но оставались спокойны. Человек может молчать, но руки говорят за него: то он за стол схватится, то скрестит их...

А первый мой приказ, когда я стал командиром в мае 1943 года, такой – уполномоченного особого отдела в отряд не пускать! А то – приходим из похода, и он тут как тут, занимает кабинет и начинает вызывать по очереди, допрашивать, кто как себя вёл... Потом второй приказ. Почти всех “стукачей” в отряде я уже знал, потому что меня самого вербовали, и я отказался от этого дела. Хочешь проверять – иди с нами на задание, там каждого видно как на ладони... Я их собрал и сказал: “Пишите что угодно, придумывайте любую болезнь, но чтобы через сутки вас в отряде ни одного не было”. И всех их выгнал. После этого мне член Военного совета Николаев сказал: “Они тебя посадят скоро”. Я говорю: “А вы для чего?” Он: “Они и меня могут обойти”. А я знал – таким образом они сажали Лунина, ставшего потом знаменитым подводником. Я говорю: “Мне не нужно, чтобы вы меня защищали, но подпись ваша нужна в приказе. Вы мне сообщите только и дайте самолёт. Я прыгну с парашютом в Норвегию и буду оттуда руководить отрядом. Пусть они там меня возьмут”. Он засмеялся: “Ну ты, говорит, авантюрист...”. Я говорю: “Какой же я авантюрист, это я так...”. Но если надо было помочь, член Военного совета отряду помогал”.

Кто-то не верил, что Леонов мог себе позволить так обходиться с могущественным СМЕРШем. Однако, как я понял из разговора с ним, он как опытный разведчик заполучил “компромат” на одного из особистов и благодаря этому проводил свою линию и в отношениях с данным ведомством.

Из воспоминаний Героя Советского Союза М. А. Бабикина о командире: “Выглядел он колоритно, держался степенно... Переступая через порог дверей начальников, у которых нашивки на рукавах золотились чуть не до локтей, входил в кабинеты без робости, о ковры не спотыкался. И говорил ровно, не заикаясь от страха... Новички обращались к нему по уставу. Позже они стали звать его батей. Командование, Военный совет флота уделили отряду особое внимание. Разведчики получали всё, в чём нуждались”.

“Мы готовили людей только так, как это будет в бою”

Задаю такой вопрос: “В описаниях боевых действий отряда нередко есть случаи, в которые действительно верится с трудом. Трое разведчиков во главе со старшиной 1-й статьи Владимиром Ляндэ в течение восьми с половиной (!) месяцев, с 10 февраля по 27 октября 1944-го, в тылу у немцев

на полуострове Варанзер, не заходя ни разу ни в один населённый пункт, ночуя под снегом, уходя от преследования, переживая голод и цингу, успешно наводили по радио на немецкие самолёты и корабли, регулярно давали метеосводки для наших лётчиков и моряков... (Командующий Северным флотом А. Головкин представил В. Ляндэ за этот потрясающий подвиг к званию Героя Советского Союза, но был утверждён лишь орден Красного Знамени). Группа из 33-х человек высадились на надувных лодках на берег. Три с половиной километра до дороги, по которой должна была пройти немецкая колонна, преодолела бегом по глубокому снегу, бросив рюкзаки и лишнюю одежду. За 20 минут разгромив штаб зенитного полка и караульную роту, разведчики захватили пленных, всю штабную документацию и без потерь вернулись на базу... Во время наступления в Норвегии за 55 часов отряд совершил с боями переход в 200 километров по сопкам и болотам, под дождём и снегом, с грузом у каждого не менее 25 килограммов! И таких примеров не один. Как достигался такой уровень выносливости?"

— Закалка в отряде была спартанская, страшно тяжёлая. Каждое утро — лыжный поход на 30-50 километров, а иногда и на 70. В последнем случае после половины дистанции мы выпивали по кружке шоколада с молоком на одной из баз разведуправления, отдыхали минут десять и шли обратно. Когда оставалось километров пять до финиша, тут я говорил: дальше, кто как может! Кок готовил победителю приз.

После этого проводили боевую разминку, у нас была своя система, включавшая приёмы джиу-джитсу и других видов борьбы. При отработке схватки вооружённого с невооружённым всегда использовалась боевая винтовка с настоящим, а не спортивным эластичным штыком. Член Военного совета как-то это увидел и говорит: "Прекратите, вы же убьёте друг друга!" Но мы готовили людей только так, как это будет в бою.

— А несчастных случаев во время таких тренировок не было?

— Нет. Чему же его учат?..

Были ли мои ребята суперменами, как сейчас говорят? Я бы не сказал. Обычные русские люди. Главное, чтобы здоровье было стопроцентное и на лыжах крепко стояли.

Отряд в основном формировался из моряков-подводников, спортсменов. Я с 1938 года служил на подводной лодке, считался одним из лучших лыжников Северного флота, перед самой войной представлялся к званию мастера спорта, был чемпионом бригады по боксу, инструктором рукопашного боя. Ещё до службы, на заводе "Калибр" в Москве окончил курсы снайперов. На заводе особенно много занимался лёгкой атлетикой, бег на средние дистанции у меня получался. На футбол любил ходить, знал игру всех игроков "Динамо" и ЦДКА. Любил игру Константина Бескова. Главное — он соображал, что делал. Как-то динамовцы долго не могли забить гол, чтобы выйти в финал Кубка страны. Бесков два раза выходил один на один, вратарь забирает мяч. Вышел опять, вратарь приготовился. А Бесков пробегает мимо мяча, и бегущий за ним динамовец, видно по договоренности, ударил и забил. Тонко было сыграно. Помню хорошо игру Григория Федотова, Всеволода Боброва...

Я мечтал одно время о небе, о самолётах, как и большинство ребят в те годы. Даже летал на планере в Тушино. Но в лётную школу не прошёл, обнаружили плоскостопие. А в авиатехники идти отказался — хотел только летать. Решил проситься на флот, хотя при призыве туда сначала и разрядки не было. "Почему на флот?" — спросили меня. "Ну, как же! Море!" — отвечаю я, язык-то у меня тогда был неплохо подвешен. А вот спортсмены в отряде не всегда задерживались. Когда началась война, к нам в отряд приехали из ленинградского физкультурного института Лесгафта несколько человек. Кое-чему мы у них научились и в лыжах, и в рукопашном бое. Но всех их потом списали. Знать-то они знали, но для того, чтобы по-настоящему где-то драться, слабоваты были...

— Виктор Николаевич, а вы в детстве часто дрались?

— Нет, почти никогда. Как-то мне удавалось, как правило, дипломатическим путём решать все вопросы.

...Был у нас на флоте один из лучших лыжников, мой друг Андрей Жиров. Прекрасно подготовленный, помог мне стать хорошим лыжником, но оказался патологически труслив. Как идти в поход, у него обязательно

находится какая-нибудь болезнь. Потом его списали в морскую пехоту. Там отправили сопровождать двух раненых в тыл, а он бросил их, ушёл и сдался в плен. Я узнал о том, что у немцев появился некий инструктор Андрей. С заданием мы ушли в тыл к немцам, нашли их лыжную базу. Наблюдаю за тренировкой, вижу — действительно Жирнов. Тренировка у немцев закончилась, но я знал, что сейчас он должен, как обычно, пойти ещё на круг в одиночестве, как это делал наш довоенный тренер. Ребята мои залегли неподалёку, а я встретил Андрея на лыжне... Он упал на колени, просил взять его с собой. “Зачем? — говорю. — Из тебя же наши особисты все жилы вытянут...”. Предатель был расстрелян.

Ведь почему иногда стремились в отряд? Идёт, скажем, наш Агафонов в увольнение, а у него на груди несколько орденов, ни у кого на флоте из матросов такого нет. Смотрят и думают — ах! Пришёл и получил. А у нас как раз очень трудно было орден заработать.

— Были ли у вас любимые песни в отряде?

— Любимая — “Землянка”... Когда уходили в поход, к нам приходил артист из ансамбля Северного флота и исполнял на дорожку... А из послевоенных песен не могу переносить “Алёшу”. Во время празднования моего юбилея дочь Татьяна говорит артистке, что “Алёша” — любимая песня отца. Та запела, у меня потекли слёзы. Слова-то какие: “Из камня его гимнастёрка, из камня его сапоги...” Полонез Огинского тоже не могу переносить...

— Каким было питание, снабжение отряда?

— Морской паёк, как на кораблях. Полагался и походный паёк, довольно солидный. Но ведь когда человек идёт и знает, что придётся и пострелять, и подраться, он лучше вместо продуктов лишнюю гранату возьмёт. Поэтому на базе оставались всегда излишки.

Как-то раз член Военного совета после вручения орденов говорит, мол, зайду к вам завтра, чем будете угощать? Я говорю: “Будет гусь с яблоками”. Пришёл к коку, тот: “Что ты, командир, гуся-то мы достанем, а вот яблок где взять?” Кока я для своих ребят держал лучшего на флоте, у меня его хотели отобрать в штабную столовую, приказ уже подписали. Но я отправил его на Рыбачий — идите, возьмите... Так он из компота яблок натаскал, как-то их распарил, что они как свежие стали. И угостили-таки члена Военного совета.

... Определённой формы одежды для походов у нас не было. Были очень удобные зимой американские шерстяные тельняшки — тёплые, пот хорошо впитывали. Имели мы и прекрасные костюмы из оленьих шкур, делали их для нас в одном совхозе на Кольском полуострове. Брюки мехом наружу, жилетка мехом внутрь и рубашка с варежками мехом наружу. В такой одежде можно и в снегу спать. Встал, встряхнулся, как олень, и пошёл дальше...

Из интервью сайту “Я помню” бойца отряда П. Г. Колосова:

“Во-первых, изучали топографию. В большом объёме занимались физической подготовкой... Тренировались высаживаться на шлюпках. На Севере море не замерзает и зимой, и летом, а температура воды всегда четыре-шесть градусов. И редко бывает тишь и гладь — обыкновенно волна с накатом. Короче, приходишь вымотанный, снимешь вещи — в сушилку бросишь, поешь и спать...”

Табельным оружием были автомат и мосинский карабин. За всё время пребывания в отряде я ни разу не использовал карабин по назначению, чистил только. А в основном с автоматами ходили. ППШ у нас были с диском и рожком. Трофейное оружие не сдавали, в отряде, например, оставляли шикарные станковые пулемёты МГ.

Пистолет был табельным оружием у командира. Тогда были ТТ. А у рядовых, если были, то трофейные. У меня был наган и бельгийский “вальтер”. У всех были финки и кастеты трофейные. Кастеты мы где-то в полицейском управлении у немцев набрали.

Мы имели норвежскую лыжную мазь — у них была смазка на все случаи жизни. И наш отряд всегда имел первое место на всех соревнованиях по лыжам”.

Спрашиваю у Леонова: какое оружие брал с собой в поход он, командир отряда? Ответ: “У меня был маузер, который стрелял, как автомат, а также парабеллум и маленький маузер в кармане, так, на всякий случай, как говорится, для себя. Парабеллум, захваченный в первом бою, был со мной всю войну, хороший пистолет, вся тяжесть в кулаке, я из него стрелял не из кармана, а с бедра. Ствол короткий, но метров на 50 бил точно”.

“В июне 1945-го, — рассказывал В. Н. Леонов, — я прибыл на Дальний Восток. Там тоже был разведотряд. Но кто туда входил? Ведь все опытные моряки уехали на запад. Хотя в отряде по сравнению с другими ещё получше остались. Меня нарком назначил туда, а я поначалу отказался ехать, хотя сам же и просился. Как с этими мальцами я встречу с японцами? Скажут — какой ты Герой? Тогда мне разрешили пятьдесят человек своих взять. Их я перемешал с теми молодыми из расчёта двое новичков к одному ветерану. Нас направили на остров Русский, там лес, горы, подходящее для занятий место. Часов по двенадцать в день — тактика, стрельба... За два месяца мы этих молодых натаскали, и в настоящем бою они потом работали уже не так плохо. А из моих североморцев стали Героями Советского Союза Александр Никандров, Макар Бабикив...

Основа всего — патриотизм

“Моя родина — Зарайск, очень красивый город. Славился садами, яблоками торговали не на килограммы, а мерой или мешками. Жили мы на первом этаже, в полуподвале. Окно откроешь и шагнёшь в сад... Отец мой был человеком самой мирной профессии, разводил фруктовые сады. Работал по найму у помещиков, после революции — в садовом товариществе.

Летом я жил у деда в деревне Протякино. Любил гонять голубей, рыбачить на реке Осётр. Время было голодноватое. Помню, в детстве один раз убил большую щуку. Она грелась на солнышке в омуте, я взял палку, ударил, она и всплыла. Схватили мы её с другом и вытащили на песок о трудом. Привязали рыбину на палку, палку на плечи и потащили. Рост наш невеликий был, щучий хвост по земле волочился...

Зимой — лыжи, на санках мчались с любимого нашего Крутого бугра. Как-то, было мне лет десять, шёл я зимой из Протякино в город, это километров восемь. Смотрю, впереди два мужика повернули обратно и мне говорят: куда ты, парень? А мне в школу надо. “Не ходи, там волки”. Но я пошёл дальше. Знал, что там ветла у мостика. Если волки нападут, успею забраться на дерево. Уже расцветало, кто-нибудь поедет, не будут же волки сидеть и смотреть. Иду осторожно и вижу — бегают две лисицы, я свистнул, они убежали. Мужики догнали, в благодарность даже взяли и потащили мой мешок с продуктами. Почему я пошёл? У меня был расчёт, а не то что — пойду и всё, ничего не боюсь.

Отличником в школе я не был, выделялся только по математике, физике, обществуведению. Тянуло меня к технике, дядя позвал в Москву учиться на слесаря-лекальщика. Замечательная профессия — изготовление точного инструмента”.

Добавлю к рассказу Виктора Николаевича, что высококвалифицированным слесарем-лекальщиком стал в юности и А. И. Покрышкин. Характерен также штрих из интервью Леонова журналу “Юнга”: “У нас на заводе один начальник зажимал рационализаторские предложения рабочих. А я был председателем совета изобретателей цеха. Что делать? Я и повесил ему на дверь табличку: “Здесь сидит бюрократ”. Он увидел, но снять не решился, побежал к секретарю парторганизации. А тот ему отвечает: “Леонов повесил — с ним и разбирайтесь”. Мне, правда, потом в райкоме такой “фитиль вставили”... Но начальник тот к предложениям рабочих стал относиться по-другому”.

Так что задатки новатора, лидера, способного просчитывать варианты, разумно рисковать, проявились у Леонова ещё в детстве. А то, что зарайские люди — особо одарённые, показывает такой необычный труд, как “Зарайская энциклопедия”, которую всю жизнь составлял местный краевед Владимир Иванович Полянчев. Как он установил — каждый сотый житель района чем-то известен или знаменит! Неспроста бытует здесь шутка, в которой есть и некий вызов: “Есть в России три столицы: Зарайск, Москва и Луховицы!” В. И. Полянчев констатировал: “По моим подсчётам, из Зарайского края только за последние три четверти века вышли семь академиков, 26 профессоров, 52 доктора и кандидата наук, 28 лауреатов Ленинской, Государственной премий и премии Совета Министров СССР, 12 Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда...”

Кстати говоря, под Зарайском, на Великом Поле, былинный богатырь Евпаний Коловрат сформировал свой знаменитый отряд.

Спрашиваю у Виктора Николаевича:

— Перед походом на Крестовый в 1944-м командующий Карельским фронтом Мерецков сказал о вас: “Коли зарайский, пусть идёт, будем надеяться”. Рязанский городок Зарайск (ныне в Московской области) известен в русской истории, у него даже герб боевой — меч, крепостная стена. Что вы знали о родном городе в детстве?

— Кирилл Афанасьевич Мерецков — мой земляк. Зарайские всегда как-то особенно гордились своим городом, который был поставлен как форпост между Рязанью и Москвой. Татары шли с юга и всегда в первую очередь попадали на Зарайск. Название своё город получил, когда рязанская княгиня Евпраксия, узнав о гибели мужа и не желая сдаваться хану, который прельстился её редкой красотой, бросилась с ребёнком с высоты и, как тогда говорили, “заразилась”, то есть убилась насмерть...

Прославил Зарайск и его воевода князь Дмитрий Пожарский. Когда в Смутное время наступали поляки, им присягнули все окрестные князья, а он отказался. Пришли к нему купцы, говорят, мол, надо присягнуть, а то разграбят наш город. А князь говорит — нет. Тогда его пообещали убить. На эту угрозу он ответил, что лучше погибнуть от руки предателя, чем самому быть предателем. Эти и другие истории я слышал ещё в школе, наш директор, учитель обществоведения Сергей Ефимович рассказывал...

— Виктор Николаевич, а как сложилась ваша судьба после войны?

— Я хотел демобилизоваться. Ещё до войны я многое из Пушкина знал наизусть, поэму “Руслан и Людмила”, а также “Конёк-Горбунок” Ершова, писал стихи, печатался. Мечтал пойти в Литературный институт... Меня направили к адмиралу Исакову, начальнику штаба флота. Исаков — это же умница был... Слушал он меня, слушал, потом говорит: ты Айвазовского знаешь? Он окончил военно-морское училище. Римского-Корсакова? Станюковича? Чем ты-то лучше? И я попал в Баку, в Каспийское высшее военно-морское училище. После учёбы был назначен командиром дивизиона торпедных катеров в Новороссийске, но потом меня взяли в Морской генштаб, где я занимался обобщением опыта, хотя все отряды, подобные нашему, расформировали. Долго мы вместе с Героем Советского Союза генерал-майором Бановым из армейского Генштаба пробивали нашу идею о том, что разведчиков тоже надо учить.

(Банов Иван Николаевич (1916–1982) — разведчик, в годы Великой Отечественной войны создал в Белоруссии несколько партизанских отрядов, затем партизанское объединение, которым командовал. В 1949–1957 годах — замначальника, начальник спецназа ГРУ. — **А. Т.**)

Будет война, и опять люди будут гибнуть, не имея опыта, как это было у нас. В конце концов, мы добились своего, было принято решение создать такие отряды на флотах и в округах. Этим я и занимался. Потом пошёл учиться в академию в Ленинграде и тут тяжело заболел. Наступил 1956 год — начали резать корабли, Хрущёв к флоту известно как относился. Служба пошла наперекосяк везде. Думаю — надо уходить. Пора...

Приехал в Москву, поработал в НИИ инженером, а потом как-то меня отпустили на Северный флот, выступать. Оттуда прислали бумагу, что лучше лектора они не слышали. Так я и объездил весь Советский Союз, от Дальнего Востока до Молдавии. Везде принимали хорошо. Уставал только — по нескостью выступлений в день... Но просили все, а особенно школьники. Как ребятам откажешь? Мы сейчас плохо относимся к патристическому воспитанию. Когда я в те годы выступал — везде залы были полные, особенно в российских крупных городах. И молодых ребят много. А сейчас, в 1990-е, те, кто выступает, рассказывают — всё не то. Да и мало осталось тех, кто по-настоящему прошёл войну. Ведь чтобы продуманно рассказывать, надо самому пережить всё это.

А потом здоровье совсем начало подводить. Кто на войне думал о перегрузках? Думали: а выживешь ли?

— Но тогда все знали, за что воевали.

— Знали. На флоте в нашу победу верили буквально все с самого начала войны. Другое дело, что после войны всё пошло не совсем так, как надо бы...

— А ваши бойцы кричали “за Сталина”?

— Мои нет. Когда кричать — ночью? Перед внезапной атакой? Хотя не

скажу, что мы Верховного главнокомандующего не уважали. Мы гордились его мужеством, тем, что он в Москве остался осенью 1941 года.

– Первую свою Звезду Героя вы получили за Крестовый?

– Да, за Крестовый присвоили звание Героя мне, Александру Пшеничных и Семёну Агафонову.

– А Иван Лысенко не был удостоен этого звания?

– Нет... Не стали Героями и Алексей Луппов, и Володя Фатькин, который первым бросился на Крестовом на колючую проволоку. Володю называли самым красивым матросом Северного флота. Иногда, правда, был храбр до безрассудства. Однажды высадились в Норвегии. Подошли к обрыву. Ночь, бросили вниз камень, звука никакого. Вдруг Фатькин говорит: “Сейчас я вам скажу”. Взял и прыгнул вниз. Кричит оттуда: “Высоковато, Пашке Барышеву (это был друг его) страшно будет. А так снег мягкий, рыхлый, можно прыгать”. Все прыгнули, хотя было там метров 20, никто не разбился.

Такой человек был Володя Фатькин. Помню, как он однажды на моих глазах, оставшись без автомата, сумел ножом уложить двух здоровенных егерей...

У нас ведь не было ни одного человека из Героев, который не имел бы до этого два-три ордена, только потом представляли на Героя. Эти ребята совершили подвиг на Крестовом, а сколько они до этого-то ещё сделали... И Саша Манин, который на Крестовом после гибели Фатькина взорвал себя с немецкими пулемётчиками, достоин самой высокой награды.

Был ещё один отряд, который с нами шёл, но ничего не сделал, а командир его получил-таки звание Героя.

Но не из-за орденов ведь воевали. Помните ответ Ивана Лысенко перед смертью: “Я правильно поступил”. Никто ведь ему такого задания не давал – поднимать эту крестовину под огнём. Он сам так решил.

Вот что надо воспитывать в человеке. Чтобы он думал не о жизни своей, а о деле, которое ему поручено...

Полистаем наградные документы, которые теперь в массе своей общедоступны благодаря сайту Министерства обороны РФ “Память народа”.

Вот представление В. Н. Леонова после похода на Могильный к ордену Ленина, который был заменён с понижением на орден Красного Знамени. “Товарищ Леонов 8 раз ходил в тыл врага, был всегда впереди в самых опасных местах. Смелый и решительный, даже после ранений никогда не оставлял своего места в бою и оказывал помощь тяжелораненым бойцам... Вывел группу из окружения”.

А вот строки из наградного листа на орден Александра Невского (10.4.1944). Этот орден, кстати говоря, вместе с медалью “За отвагу” были любимыми наградами героя.

“... Командовал отрядом при его действии в глубоком тылу противника. Благодаря умелым и решительным действиям отряд разгромил немецкую колонну автомашин из 6-ти единиц. Свыше 15 немцев уничтожено, 6 немцев взяты в плен, из которых четверо – работники штаба зенитного дивизиона. Захвачены трофеи и ценные штабные документы”.

Владимир Васильевич Фатькин был награждён единственным орденом – Красного Знамени (15 января 1944 года). Уроженец города Спасск-Рязанский, где его помнят. Виктор Николаевич говорил, что бывал там, встречался с сестрой своего бойца, погибшего в 24 года. Его сравнивали с соколом – красивое тонкое лицо с яркими синими глазами и статная сильная фигура. “Эх, Володя, до чего ты и мёртвый красив”, – писал Леонов.

Скупое, считаю, награждали участников отряда. В Первую мировую войну, уверен, значительная часть отряда стали бы полными Георгиевскими кавалерами.

Трёх наград был удостоен боец-разведчик, старшина 2-й статьи Иван Николаевич Лысенко из деревни Большеречка Болотнинского района Новосибирской области. Родился он 18 ноября 1917 года. В первом наградном листе на медаль “За боевые заслуги” указана национальность – белорус. И действительно, в эту деревню в годы Столыпинской реформы переселялись крестьяне из Белоруссии. Дважды ранен. За участие в трёх операциях в немецком тылу награждён орденом Красного Знамени. В третьем, посмертном, наградном листе на орден Отечественной войны I степени за мыс Крестовый отмечено: “Участвовал во всех проводимых за это время операциях отряда в глубоком и ближнем тылу противника”. Но почему-то описание подвига не соответствует тому,

что пишут В. Н. Леонов и М. А. Бабилов, что публиковалось ещё в 1950-е годы, когда были живы многие участники операции... Сам Леонов, правда, говорил мне, что не всегда в документах, по разным причинам, все описано так, как было на самом деле. Жаль. Очевидно, что подвиг Лысенко — один из символов Великой Отечественной. Он погиб, не исправляя чьи-то или свои ошибки. Это была продуманная в те краткие мгновения у колючей проволоки сознательная жертва — за други своя. Не зря так доверяли Ивану товарищи, верили в его справедливость. Его подвиг высвечивает до конца суть леоновского отряда, главный секрет его невероятных побед.

Просматривая документы, я был поражён. Оказывается, впервые приехал я к Виктору Николаевичу именно 18 ноября — в день рождения Ивана Лысенко!..

Разговор с Леоновым продолжался.

— А как вы встретили День Победы?

— Ещё восьмого мая, у себя на базе. Англичане-союзники прибежали поздравить. Выпили, постреляли вверх малость... Но у нас на Севере всё уже кончилось задолго до этого. Второй раз встречал Победу в Японии, после разгрома японцев слетал в Порт-Артур, Дальний. Седьмого ноября на Параде Победы на Дальнем Востоке прошёл и наш гвардейский отряд.

— Как вы оцениваете день сегодняшней? Преодолеет наш народ новую смуту?

— Народ-то преодолеет... И смута не первая в нашей истории. Народ, если почувствует, что дело ставится по-настоящему крепко, здорово, народ с радостью это поддержит. Переживёт и эту заваруху, но видно — тяжело переживёт. Можно было бы как-нибудь полегче... Всё пойдёт непросто, но Россия обязательно возродится. И люди найдутся.

Сейчас я редко выхожу из дома, смотрю по телевизору в основном только новости. Зачем нам все эти американские фильмы, наркотические сериалы по 250 серий? По-моему, с ума от этого можно сойти. Деньги начинают играть всё большую роль. Слава Богу, у меня их нет. В выступлениях политиков вижу пока только борьбу за власть. И в войну такие были, но там быстро становилось ясно, кто чего стоит”.

“Много у нас на Руси было святых людей, чудо-богатырей, — сказал Виктор Николаевич, когда я попросил его дать напутствие для читателей журнала “Воин”. — Я был воспитан на их примере и говорю вам: не забывайте эти традиции, берегите их и приумножайте!

Мечта о подвиге, о том, чтобы отличиться, — это мечта каждого человека. Но для того чтобы это осуществить, нужно, прежде всего, уметь управлять собой. Должна быть железная воля. Как её воспитать? Для этого нет специальных упражнений... Основа всего — патриотизм. Тот, кто безразличен к судьбе Родины, ничего не совершит! Конечно, необходимы знания, умения. И вера в товарищей, которые также должны верить в тебя. Когда будут воспитаны эти качества, то и воля появится как бы сама по себе... А если есть воля — путь к славе, путь к подвигу вам открыт”.

С того дня, как Леонов стал командиром, и до конца войны отряд потерял погибшими совсем немного, из них восемь — на Крестовом, в основном в момент преодоления проволочного заграждения.

“Я вообще не любил терять людей. Спросите у любого: все знали, что я буду бороться за жизнь каждого человека до последнего. Как-то попросили меня проконсультировать автора сценария о действиях моряков-разведчиков в годы войны. Я посмотрел, ошибок хватало. А главное — писатель всех погубил к концу фильма! Я говорю — так не пойдёт. Меня же назначили консультантом. И оставил им в живых несколько человек...”

Таким и был Виктор Николаевич — боец, вожак, тонкий психолог и поэт. Однажды он с юмором рассказал мне такой эпизод из своих послевоенных выступлений: “На одной из встреч с научными работниками получаю записку с вопросом: как же так, вы прошли такие бои, а у вас такая шевелюра и седины почти нет. Мы же не воевали, а сидим тут седые и лысые? Ответил учёным тоже с юмором. Может быть, человек теряет волосы, когда не может подавить чувство страха. Идёт, например, по улице, а навстречу трое подгулявших хулиганов. Он ищет переулочек, куда бы свернуть, дрожит. Или сидит в высоком кабинете, в тёплом мягком кресле и всё время трясётся, как бы его не согнали с этого кресла. Домой приходит запоздавший — тоже дрожит, жена на него, как тигрица, набрасывается. А я спокоен. Идут на меня трое, я их всегда

разгону. Ни в каком кресле не сижу. Когда командовал отрядом — снимай меня, пожалуйста! Садись в моё “кресло” и иди в тыл к немцам. Жена меня за опоздания не ругала, во время войны по месяцу меня ждала...”.

Или такое его тонкое размышление: “Осталось у меня одно незаконченное стихотворение об улыбке. Ведь это тоже оружие. Когда я внезапно сталкивался с врагом лицом к лицу, я ему мило улыбался. Он замешкается на несколько секунд, и это давало мне возможность остаться живым и что-то сделать. И если от тебя уходит любимая, не злись. Пожми плечами и улыбнись ей вслед. Не только розы будут на её пути, тогда она вспомнит твою улыбку и прольёт слезу...”.

Норд-вест и “Норд-ост”

И ещё об одном эпизоде из последних лет жизни В. Н. Леонова хочу рассказать. Было это в начале июня далёкого 1999 года. Я только что вернулся с Кубани, где прошли дни памяти трижды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина.

— Звонил майор Константин Васильев. Он читал в журналах “Воин”, “Русский дом” твои материалы о дважды Герое Викторе Николаевиче Леонове. Хотел бы с ним встретиться с твоей помощью, — сообщил мне отец.

Слышал Леонов неважно, говорить в трубку следовало чётко, не торопясь и погромче. Если Виктор Николаевич не понимал чьей-то скороговорки, он в разговор не вступал. Ветеран был дома, я решил для начала съездить к нему один. “Приезжайте...” Встреча прошла хорошо, и в свои 82 года Леонов сохранял ясный ум, говорил, как всегда, сжато и интересно. Я записал на диктофон ещё половину кассеты, уточняя те или иные детали фронтовой деятельности Леонова и его отряда. На встречу с незнакомым майором, который занимается боевыми единоборствами и хотел бы поговорить о различных приёмах, Леонов согласился сразу. Вынужденное из-за болезней сидение в стенах квартиры тяготило его, встречам, вниманию к себе он, особо не показывая виду, сдержанно радовался...

Вечером вновь позвонил Васильев. В его голосе слышалось что-то даже детское и простодушное. Майор, а называет себя Костей... Договорились о встрече в центре зала станции “ВДНХ”. Я решил для себя: если в первом впечатлении от майора будет что-тостораживающее, к Леонову его не поведу. Мало ли что...

Но появившийся в метро Константин сразу развеял все сомнения. Вызывал он к себе полное доверие. Пожимая ему руку, я невольно улыбнулся — вот это парень! Таких сейчас нечасто увидишь в толпе. Высокий и широкоплечий, но вместе с тем стремительный и лёгкий. Во всей его фигуре была незаурядная мощь. Открытое лицо из тех, которые называют чисто русскими, прямой взгляд. Одет был в летнюю офицерскую форму, ладно сидела на нём зелёная рубашка с погонами. А ведь в то время, как известно, вне службы офицеры редко носили форму.

Сели в трамвай, чтобы проехать несколько остановок до улицы Докукина. Как всегда, проезжая мимо северного входа на ВДНХ, я наклонился, чтобы увидеть в полный рост легендарную скульптуру Веры Мухиной “Рабочий и колхозница”. Посетивший в 1937 году павильон СССР на Всемирной выставке в Париже Ромен Роллан дал об этом произведении такой отзыв: “На берегах Сены два молодых советских гиганта возносят серп и молот, и мы слышим, как из груди льётся героический гимн, который зовёт народы к свободе, к единству и приведёт их к победе”.

Эта скульптура с первой поездки к Леонову стала для меня как бы и прологом, и эпилогом встреч с ним. Потрясённый первой беседой с ним в 1994 году, возвращаясь к ВДНХ, я словно в первый раз увидел эту пару стальных гигантов... Неслучайно посетивший...

В моей папке с материалами о Леонове осталась краткая запись, сделанная в тот день: “6 июня 1999 года. Встреча у В. Н. с Костей Васильевым. Костя — интересный парень. Таких православных, воцерковлённых военных я встречал единицы”. Он рассказывал Леонову о своём батюшке-духовнике. А Леонов неожиданно для меня признался, что любит смотреть передачу “Слово пастыря”, которую вёл митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (с 2008 года — Патриарх Московский и всея Руси). Зашла речь о воз-

можной войне России с агрессивным блоком НАТО (1999 год, напомним, был годом бомбардировок Югославии). Леонов по этому поводу сказал: “Если бы такое случилось, и были бы силы, организовал бы партизанский отряд в Подмосковье...” Вспоминал по просьбе Константина хрестоматийные уже эпизоды из действий своего отряда на Севере и в Корее. Видно было, что майор старику по душе. Когда Васильев попросил уточнить особенности какого-то приёма рукопашного боя, Леонов, увлечшись, начал было вставать, забыв о ранениях и болезнях!

Константин рассказал о своём учителе рукопашного боя Алексее Алексеевиче Кадочникове, офицере, преподавателе военного училища в Краснодаре, где учился Васильев.

Все остались довольны той встречей. Когда мы с Константином вышли на улицу, он сказал: “Ну, и руки у Виктора Николаевича. И врага, если надо, удавит, и землю вспашет”. Узловатые цепкие кисти рук ветерана действительно запомнились. Как и его пристальный взгляд из-под нависших седых бровей, суровый облик, а также неизменный юмор и нечастая, а потому неожиданная, добрая улыбка...

День был жаркий. В ожидании трамвая предложил Константину выпить пива. Когда выпили по бутылке, спросил: “Может, ещё по одной?” И вдруг Константин ответил: “Нет. Не надо. Нельзя расслабляться”. В этих словах прозвучала спокойная твёрдость, заставившая меня взглянуть на его лицо. В ходе разговора я спросил: “А есть ли, остались ли в нашей армии люди, способные, как Леонов и его соратники, встретить врага?” Васильев так же спокойно ответил: “Есть”. Вообще он был серьёзен, я вдруг понял, что не услышал от него ни одной двусмысленной шутки, ни одного, нередкого у военных, ругательства.

Какое-то время помолчали. Тогда и подумалось вполне определённо: “А ведь этот Васильев – человек совсем не обычный...”

В метро на переходе мы попрощались. Я подарил Константину несколько номеров журнала “Слово”. Он сам вписал в мою записную книжку, которую храню и сейчас, свой номер телефона. Константин жил в общежитии. А родом, как оказалось, он из Сарова, славного на Руси преподобным Серафимом Саровским и крупнейшим ядерным центром. Родиной своей Костя явно гордился. Как позже я узнал, он писал в конце своих писем: “Россия великая, Саров могучий”.

Договорились созваниваться, навестить ещё Виктора Николаевича. Но встретиться нам больше не довелось...

Константин звонил несколько раз, говорил о том, что есть трудности по службе, не знает – оставят ли его в Москве после учёбы. Потом – он хоронил отца. Последний звонок от Васильева был летом 2002 года. Приезжал из Краснодара на презентацию своей книги его учитель А. А. Кадочников. Константин хотел, чтобы на презентацию был приглашён и я, но через день расстроенным голосом извинялся – меня, не шибко известного невоенного журналиста, кто-то из начальства вычеркнул из списка.

Я просил его не огорчаться, потому что тем летом, совершенно не укладываясь в отведённые сроки, работал над биографией А. И. Покрышкина для серии “Жизнь замечательных людей”. Книга должна была выйти к 90-летию трижды Героя, к 6 марта 2003 года. Времени оставалось совсем немного.

Константин сообщил, что работает в системе Военных судов, в переулке Хользунова (бывшем Большом Трубецком, переименованном в честь погибшего лётчика, Героя Советского Союза В. С. Хользунова). Этот переулок, от метро “Фрунзенская” до Большой Пироговской, мне давно и хорошо знаком. По нему я когда-то ходил в институт, где учился на историческом факультете, а в последние годы – в церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, что стоит за Плющихой, почти на берегу Москвы-реки.

“Позвони как-нибудь с вахты, я выйду, поговорим”, – предложил тогда Константин. Мне хотелось также показать ему наш храм, восстановленный общиной.

...Книга моя была завершена к назначенному времени, вышла в свет и презентовалась на родине А. И. Покрышкина в Новосибирске. Довольно долго я собирался подарить книгу Константину, как обещал. Наконец, 19 августа, в день Преображения Господня, после службы в храме я позвонил Константину по его рабочему телефону. Идти от церкви до его Управления, как я

понимал, всего несколько минут. Затянувшееся более чем на год молчание Константина не удивляло, созванивались мы, как уже говорилось, редко.

Набрал номер на телефонном аппарате из комнаты настоятеля храма отца Александра. Кругом празднично шумели прихожане. Попросил к телефону Константина Ивановича. Слышимость была неважная.

– Кто вы? – как мне показалось, резковато спросили меня после паузы.

– Да... Представитель прессы, – ничего лучшего не пришло мне в голову.

– Васильев погиб... .

– А что случилось? – спросил я, потрясённый, прижимая трубку к уху.

Мне что-то ответили, я не расслышал, переспросил:

– Авария?!

– Вы про “Норд-Ост” слышали?

– Да, да, конечно. Извините... .

Спросить ещё что-либо я не успел. Да и не разобрал бы я объяснений в окружающем шуме и гомоне. Ведь собирался я только договориться о встрече.

Тут же рассказал об этом батюшке и его гостям. Все горестно вздохнули. Но это была не первая жертва кошмарного теракта на Дубровке, чьи судьбы как-то связаны с нашим храмом. Очень уж много людей пришло тогда на представление популярного мюзикла... . Находилась там и группа ребят из соседней с храмом школы. Погибла девочка Даша. В соседней церкви у дьякона Александра погиб зять – музыкант оркестра. У моего друга жена сидела прямо рядом с бомбой, подготовленной террористами к взрыву. Когда всё завершилось, друг Юра позвонил мне, рассказал о случившемся, о том, что, слава Богу, Татьяна осталась жива.

Попрощавшись в тот праздничный день с друзьями, я брёл по Хользунову переулку к метро, всматриваясь в окна, за одним из которых работал подполковник Васильев. Каково было сослуживцам услышать просьбу позвать к телефону Константина Ивановича спустя почти год после его гибели... .

Эх, Костя! Давили тягостные мысли. Виделось в этом человеке большое будущее... .

Дома сразу взял с полки книгу о трагедии “Норд-Оста”. На последних страницах помещён список погибших в Театральном центре. Я уже читал этот список... . 13-й номер – Васильев Константин Иванович. Но мало ли в России людей с такими фамилией, именем и отчеством. Была ведь у меня задумка подарить Константину набор открыток с репродукциями картин его полного тезки, талантливого художника, трагически погибшего в 1976 году, всего в 34 года. Когда-то, в 70–80-е, русские темы его картин стали открытием для многих.

Подполковнику Константину Ивановичу Васильеву было 35... . Расспросить о его судьбе мне было не у кого. Звонить на службу не стал – меня там никто не знал. Ни в одном из телевизионных и газетных репортажей я о Васильеве ничего не слышал и не читал. Мой друг и его жена, бывшая заложница “Норд-Оста”, рассказывали мне, что при спасении людей, отравленных при штурме газом, больше погибло именно молодых сильных мужчин, которых выносили из зала в последнюю очередь, после женщин и детей.

Наверное, с кем-то из знакомых Костя оказался на этом мюзикле по мотивам романа “Два капитана”. Нелепая смерть, но кто застрахован от подобного в сегодняшнем мире? И на войне люди гибнут по-разному, далеко не всегда успев что-то совершить.

Два месяца вспоминал я о Константине почти каждый день. В церкви подавал записки об упокоении его души.

Наступили 20-е числа октября, годовщина гибели заложников “Норд-Оста”. Во всех храмах особо поминали убиенных в терактах. И вдруг слышу, на службе в нашем храме отец Александр отдельно поминает убиенных отроковицу Дарью и воина Константина. Что-то дрогнуло в душе. А может, это Костя подаёт весточку о себе?! На мой вопрос батюшка ответил, что перед литургией к нему подошёл наш постоянный прихожанин Яков Яковлевич Ленюк, преподаватель из той школы, где училась Даша. Он принёс статью из журнала “Русский дом” о подвиге какого-то подполковника Константина. “Как его фамилия? Васильев? – Кажется, да. Там и фотография есть”.

Читаю ксерокопию статьи Н. Е. Сухиной “За други своя” с подзаголовком “Освободите детей. Я готов остаться здесь вместо них” (“Русский дом”, 2003, № 2). На снимке – Константин Васильев, молодой, ещё в капитанских погонах... .

Через несколько дней Яков Яковлевич подарил мне кассету с записью передачи радиостанции “Радонеж”, посвящённой подвигу К. И. Васильева. В передаче принимали участие Алексей Алексеевич Кадочников – академик, профессор, учитель Константина, а также хорошо знавший Васильева Андрей Николаевич Митрофанов – офицер запаса, директор Академии безопасности человека.

Была проведена реконструкция тех событий. 24 октября Васильев, пользуясь своим офицерским удостоверением, один прошёл в Театральный центр. В переговорах с террористами заявил, что он как государственный служащий, подполковник представляет для них больший интерес, чем дети, которых просил отпустить.

Далее А. Н. Митрофанов рассказывал:

“Мне позвонили и сказали, что Константин не вышел на работу. Это было абсолютно на него не похоже. Он был настоящим офицером, который все-го себя отдавал службе. Мы начали его искать. Проверили всё, но не нашли никаких следов. Причём самое первое, что я спросил, когда мне позвонили: “А не может ли он быть на Дубровке?..” Наверное, это была интуиция. Да и убеждения, характер Васильева всем нам были известны.

Как мы потом посмотрели, тяжело это говорить, судя по многочисленным входным пулевым отверстиям, его расстреляли, отойдя на определённую дистанцию. Они боялись его, даже безоружного.

...Только потом, после героической гибели Константина Ивановича, мы поняли, что он внутренне готовился к подвигу. Ездил по монастырям – святыням России, беседовал со священниками.

Константин прошёл школу Кадочникова, очень серьёзную подготовку, как минимальными силами выполнить боевую задачу, сохранив при этом жизнь подчинённых и свою жизнь. Но в той ситуации речь шла о спасении детей. Он решил вступить в переговоры с вооружённой бандой, сознательно шёл на предельный риск, почти на верную смерть”.

А. А. Кадочников сказал: “Мы повторяем слова Александра Невского: “Не в силе Бог, а в правде”. Побеждает не физическая сила, а дух человека. Боец должен быть физически силён. Должен знать, как действовать и применять оружие. Но только сочетание духовных, физических, интеллектуальных сил даёт возможность победить. Именно благодаря высокому духу мы выстояли во всех войнах, которые обрушились на Россию. Мы видим это на примере наших отцов и дедов, победивших в Великую Отечественную войну. На примере дважды Героя Советского Союза Виктора Николаевича Леонова, сумевшего в 1945 году с десятью товарищами заставить капитулировать несколько тысяч японцев”.

Слушая эту радиопередачу, я понял, почему Константину Васильеву надо было встретиться с Леоновым. Наверное, не только для того, чтобы услышать рассказ от первого лица о действиях и приёмах разведчиков. Константин читал все книги дважды Героя, все публикации о нём. Ему надо было посмотреть в глаза Леонову, пожать ему руку. И как бы получить напутствие на подвиг, к которому Константин себя готовил. Мне показалось, что на той встрече в июне 1999-го Леонов принял Васильева в свой отряд.

Из бойцов леоновского отряда Константин напомнил богатыря Ивана Лысенко. В том бою на Крестовом Лысенко лично не сразил никого из врагов. Но своим самопожертвованием открыл товарищам путь к победе. Подвиг Васильева – из того же ряда. Для воцерковлённых людей вполне очевидно огромное влияние таких незримых поначалу для большинства людей деяний на реальные земные события.

Своей гибелью Константин словно приподнял чёрную плиту безысходности. В тот просвет и пошли бойцы группы “Альфа”. Перед глазами стоит то раннее утро в тусклом свете фонарей. Бойцы в камуфляже крушат стекло входных дверей. Слышится срывающийся голос теледиктора: “Всё! Пошли наши спецы!” Начался штурм.

“Безверное войско учить – что перегорелое железо точить”

Виктор Николаевич Леонов умер 7 октября 2003 года. Я не увидел о его кончине ни одного сообщения по телевидению, в центральной прессе. А ведь ушёл из жизни один из ярчайших национальных русских героев! В те осенние

дни 2003-го я проходил, ничего не зная о смерти Леонова, мимо северного входа на ВДНХ. Было тепло и солнечно. Огромные массы людей передвигались между бесчисленных торговых павильонов. Но что резануло по душе – начался демонтаж, как писали в газетах, для реставрации скульптуры Мухиной. Стальные гиганты ещё стояли на своём постаменте, но уже без головы, без рук... Зрелище было тяжкое, какой-то мрачный сюрреалистический символ.

На одной из неофициальных встреч тогда же, в начале 2000-х, я слышал, как один действующий генерал, выступая после ветеранов, говоривших о сегодняшнем состоянии армии и как бы отвечая им, сказал: в нашей истории бывают времена суворовские, наступления и натиска, и кутузовские, отступления и утрат, когда главное – соединить и сохранить силы. Говорил генерал весомо, продуманно. Ветераны, было видно, его поняли...

Но не может не свершиться возвращение из беспамятства имён таких героев, как Виктор Николаевич Леонов, Константин Иванович Васильев... О многом говорит день рождения человека. В. Н. Леонов родился 21 ноября, в день Собора Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. К. И. Васильев – 6 мая, в день великомученика Георгия Победоносца.

В 2006 году на стене дома, где жил Виктор Николаевич, была установлена достойная мемориальная доска. В составе Северного флота состоит разведывательный корабль “Виктор Леонов”. На Дальнем Востоке, на острове Русский установлен памятник. Переиздаются его книги, появляются новые телепередачи – жаль, их не снимали, когда он был жив и мог многое ещё рассказать.

Опыт Леонова используется спецназом России. Он говорил мне, что в годы работы в штабе обобщил военный опыт и своего отряда, и отрядов Черноморского и Балтийского флотов. Написал большую работу о программе подготовки, составе и вооружении таких подразделений. Под его руководством был снят фильм “Высадка и действия разведгруппы на побережье противника”. Фильм, снятый на Ленинградской киностудии, был засекречен. Виктор Николаевич вспоминал: “Фильм игровой, с удовольствием смотрели бы ребяташки...”

Так что дело великого разведчика живёт. А Константин Васильев был похоронен на Аллее Героев в родном Сарове. Посмертно был удостоен ордена Мужества. По сообщениям СМИ, собираются материалы для его канонизации в лике святых. Фотографии его мироточат...

“Рабочий и колхозница” в 2009 году вернулись на свой постамент у ВДНХ.

Вновь зададимся вопросом: подойдёт ли опыт леоновского отряда для иноземных спецназовцев? Он говорил: “Нигде я не учуял, чтобы у них была такая дружба, как у нас. Ведь мы на Могильном из-за раненого Шелавина попали там в окружение, но не бросили его, а несли на руках. Спрашивал я у пленных немцев: могли бы вы так остаться, зная, что можешь погибнуть? Один их полковник погал к нам, был сильный шторм, мы несколько дней сидели на Рыбачьем, беседовали. Он отвечает: какой смысл гибнуть из-за одного? Можно пристрелить одного, чтобы не мучиться. Значит, не ценили они так товарищество”.

Виктор Николаевич всегда говорил об опоре на заповеди великого А. В. Суворова. Вспомним же ещё одну: “Безверное войско учить – что перегорелое железо точить”. В 1941–1945 годах решающим было святое чувство патриотизма, что Леонов подчёркивал.

Знакомый капитан 1 ранга, когда зашёл у нас ним разговор о Леонове, рассказал, что как-то спросил у разведчика: что же двигало вами в ходе рискованных боевых операций в немецком тылу, в полярной тьме? Леонов ответил: “Ненависть клокотала!” Оккупантов следовало уничтожить.

Отряд Леонова – это, действительно, были народные мстители. П. Г. Колосов вспоминал: “В отряд приходили те, кто рвался воевать. Мне пришли письма из Ленинграда, я узнал, что отец, брат и бабушка погибли. Я стал проситься из зенитного дивизиона в разведку... Мы ходили на операции вне формы, без погон и даже без всякого признака-то, что мы советские люди. Мы отлично знали, что никакая конвенция нас не спасет, если мы попадём в плен. Каждый разведчик чётко это знал. Поэтому, чтобы не попасть в руки врага живым, кто-то где-то бритву зашьёт или ещё что-то такое... Немцы нас боялись как огня. Считали нас неуловимыми, “чёрными дьяволами””.

Вот что двигало теми бойцами, что их сплывало. И какие немцы, какие самураи могли их одолеть?! Не говоря уже об американских “морских котиках”...